

Январским утром пригородный поезд «Сибирская заря» готовился к отправлению. В фиолетовых сумерках стихала посадочная колготня. Сиротел перрон. Только два обходчика в оранжевых жилетах, шаманской походью ступая от вагона к вагону, камлали в промерзшее железо да запоздавшие студенты лениво переругивались с проводником.

Начинало светать. Докурив до последнего пассажира, проворно скрылись охранники. Уже и дворник, не любивший кочевых людей и не понимавший, куда и зачем они едут, вышел с длинной метлой. Откуда-то вылезла худая пятнистая собака, виляя сизым хвостом, и человек, похожий на собаку, оглядываясь — нет ли охраны — направился в казенное тепло. Но привычный ход событий вдруг смазлся: в здании вокзала распахнулась большая деревянная дверь, откуда высыпала оживленная «делегация» из нескольких хорошо одетых человек и устремилась к седьмому вагону.

— Андрей Петрович, успеваем? Мы с вами договаривались, — беспокоился шустрый лысоватый мужчина лет тридцати по фами-

лии Сальцев, одетый в красный пуховик поверх делового костюма и пахнущий одеколоном.

— Успеваем, если договаривались... — хмурился пожилой человек с усами, заместитель начальника вокзала Андрей Петрович Гудков.

Мужчины шли впереди, за ними послушно семенили три женские шубы из какого-то комитета и, покуривая, брели позади два парня: журналист и оператор местного телевидения.

— Как было условлено, Андрей Петрович, — суетился чиновник, — вы мне сперва аккуратненько указываете на юбиляра, так сказать. Но... чтобы не привлечь излишнего внимания. Понимаете меня? А после мы уже делаем свою работу.

Андрей Петрович не ответил на реплику Сальцева. Он считал глупой подобную конспирацию, когда все и так ясно: есть билет, есть миллионный пассажир с этим билетом, а значит — приз в студию, как говорится. Его волновало другое. На днях начальник вокзала не намекнул, а дал твердо понять, что пора, дескать, тебе, старче, на пенсию. У Гудкова чуть колени не подломились от такой новости: приехали, стало быть, выходим, конечная станция. Пей лекарства и сиди смирно у телевизора, не рыпайся. А тут еще делегация эта, будь она не ладна. «Не оплошать бы, — подходя к вагону, старик глубоко, с хрипом вобрал ледяной утренний воздух и выдохнул: — Будь что будет...»

Увидев Андрея Петровича в компании официальных и не слишком приветливых лиц, проводник седьмого вагона, недоучившийся студент педвуза Егор Бегунец, встал по стойке «смирно». На дежурство он, как водится, опоздал, заставив мерзнуть людей на платформе, слегка опохмелился после вчерашнего и теперь опасался как бы чего не вышло.

— Ты хоть побрился бы, что ли, Бегунец, — по-отечески, но как-то обреченно заметил ему Гудков.

— Андрей Петрович, дак я...

— Ладно. Что там у тебя в вагоне, все на месте?

Бегунец тряхнул головой и с виноватым видом отошел в сторону.

— Так, так... — деловито вертелся Сальцев. — Букет цветов, билет на десять бесплатных поездок и туристическая сумка здесь? От-

лично! В вагон заходим не все. Пока только мы с Андреем Петрови-
чем. Вы, коллеги, — уважительно обратился он к дамам из комитета,
на неподвижных лицах которых чуть увеличились глаза, — и вы,
пресса, — небрежно глянул на парней, — ждете моего сигнала. Ни-
какой самодеятельности. Надеюсь, всем все понятно?

Шубы покорно зашевелились. Журналист снайперски плюнул
на черный рельс и отвернулся.

— Ну, как там говорится... Ни пуха ни пера! — нервно оскла-
бился Сальцев и, не заметив встречного движения Гудкова, полез
на подножку.

До отправления оставалось десять минут. Пассажиры седь-
мого вагона, сидя в удобных креслах, томились ожиданием.
Пенсионеры шуршали пакетами с едой, вздыхали, погляды-
вая на пустынный перрон; студенты, подсвечивая сонные лица
смартфонами, машинально листали сообщения; кто-то, запроки-
нув голову, дремал. Всем хотелось, чтобы поезд наконец тронулся
и за окнами поплыл тоскливый зимний пейзаж. Но поезд, словно
примерзнув к рельсам, продолжал стоять, а по вагону тем време-
нем (туда и обратно) прошагали двое: Сальцев в распахнутом пу-
ховике и за ним, едва поспевая, взъерошенный Бегунец.

— Бомбу, че ли, нашли? — заохала старушка с надкушенным
пирожком в руке.

— Типун вам на язык, проверка обычная, — возразила соседка.

— Дай-то бог...

Андрей Петрович сидел в служебном купе, скучно огляды-
вая с юности знакомый интерьер. Он начинал проводником
и изъездил по Транссибу в лучшие свои годы полстраны. Было
что вспомнить: ночные разговоры с бородатыми туристами,
пьяные драки курортников, дымящие мегаполисы и одичалые
полустанки в алтайской степи... Вроде все, как прежде, блуждал
взглядом старик, только стеклянные стаканы заменили на пла-
стиковые и появилась трехъярусная тележка с продуктами, ко-
торую проводник в роли официанта обязан был катить дважды
в свой рейс. «Не то все, не то...» — хмурился Гудков, поглаживая
седые стриженные усы.

— Андрей Петрович, у нас ЧП... — В дверях стоял
чем-то встревоженный Сальцев, обтирая потную шею носовым

платком; за ним, сдерживая идиотскую улыбку, перетаптывался Бегунец. — Юбиляр-то наш ни к черту, — срывающимся тенорком заявил чиновник.

— Как так? — сурово посмотрел Гудков.

— Ох, сами взгляните, такого нельзя на камеру. Только осторожнее, прошу вас, осторожнее.

Из пассажирского салона было видно, как за дверным овальным стеклом, в косом коридорчике с титаном, показались двое. Тот, что в пуховике и с лысиной, активно шевелил губами, не переставая обтирать шею платком. А второй, мрачноватый и с усами, недоверчиво всматривался.

— Да вон же он. С ним даже рядом никто не сел. Левее надо, — пыхтел Сальцев, странным образом маневрируя: то отступая, то приближаясь к двери.

— Который с лопатой? — прищурившись, буркнул Гудков.

— Наконец-то! Он, он. Не по плану все пошло, не по плану.

Андрей Петрович внимательно посмотрел на миллионного пассажира, действительно занимавшего оба места в левом ряду. Им оказался крепко выпивший бомжеватый мужичок лет пятидесяти в рыжей дубленке. Сунув клочковатую бороду в барашковый воротник и оперевшись о черенок штыковой лопаты, мужичок тихонько дремал, распространяя вокруг себя удушливый запах перегара.

— Похоже, деревенский... — задумчиво сказал Гудков.

— Деревенский? Какое это имеет значение? — изумился чиновник, выпучив серые водянистые глаза. — Представьте, такого вот покажут по телевидению, напишут о нем в газетах. Возможные последствия всего этого безобразия знаете?!

— Ну-у, — Гудков немного смутился, по привычке взявшись за ус, — билет-то ему достался. Волей случая, можно сказать. Стало быть...

В кармане Сальцева заиграл мобильник и возмущенное, в красных пятнах, тщательно выбритое лицо его заметно сникло:

— Да, Борис Семёныч... А? Разумеется, делаем. Что? Пассажир замечательный, да... А? — Сальцев приторно улыбнулся. — Ну что вы, Борис Семёныч, меня моя должность вполне устраивает, рановато еще... Да, как только — отзвонюсь. И вам... Всего...

Чиновник облегченно выдохнул, уверенно поглядел на свое мутное отражение в оконном стекле (на фоне серых товарняков), сделал губами «пфу-пфу-пфу», пощелкал пальцами и, повернувшись к Гудкову, воодушевленно сказал:

— Андрей Петрович, проводника... срочно!

В вагоне повеяло легким недоумением. Поезд запаздывал. Пассажиры, ерзая в креслах, поглядывали на часы.

— Видать, все ж таки бомбу нашли, — не унималась старушка, дожевывая третий пирожок.

— Ешьте уже спокойно, не вошкайтесь.

— Да я ничего, я так...

Бегунец возник откуда-то сам, с ведром и шваброй, и решительно смотрел на вишневый галстук чиновника.

— Действуем быстро, — давал указания Сальцев. — Юбилейного пассажира немедленно пригласить в купе для... интимной, так сказать, беседы. Не привлекая общественного внимания, — доверительно понизил он голос. — Все ясно?

— Априори! — ляпнул Бегунец, вспомнив университетское слово.

«Что за увалень...» — подумал Сальцев, брезгливо оглядев долговязого парня, и предложил Андрею Петровичу зайти в купе.

Через минуту по вагону разнеслись подозрительные лязгающие звуки вперемешку с женскими вскриками, как если бы обходчики, размахивая кувалдами, решили проверить годность пассажирских кресел. Сальцев с ужасом прислушивался, вертясь в тесном купе. Гудков, сидя за столиком у окна, с легкой ухмылкой поглаживал усы.

— Вот, привел, — весело доложил Бегунец, придерживая за локоть порядком ослабевшего мужичка. И, шмыгнув носом, добавил: — Там это, волнуются...

— С лопатой-то зачем? — поморщился Сальцев. — Ладно. На сиденье его... их. Вот сюда.

Бегунец усадил всерьез озадаченного мужичка рядом с Гудковым и тут же скрылся.

— Так, так... — почесывая лысину, соображал не менее озадаченный Сальцев. — Извините, как вас зовут? — заискивающе обратился он к пассажиру.

Мужичок, почувяв неладное, сделал кроткое лицо, поморгал сонными глазками и крепче взялся за лопату.

— Да вы не переживайте, гражданин. Я только спрашиваю: ка-ак ва-ас зо-вут? — отчетливо повторил чиновник.

— Лёва-Упокой... звать, — тихо прохрипел мужичок и, разжав грязный мозолистый кулак, показал билет: — вот...

— Гм, очень хорошо... Лев. Поймите, вам ничто не угрожает. Все мы люди, у всех есть недостатки. Тут, знаете, иная ситуация, — чиновник покосился на суровый профиль Гудкова. — Вы, в некотором роде, юбиляр. То есть так уж вышло, что вы миллионный пассажир «Сибирской зари», с чем я вас и поздравляю, — он профессионально растянул улыбку. — Но... не могли бы вы, скажем, уступить вашу удачу тому, кто в ней действительно нуждается?

— А? — не понял мужичок.

— Поясню. Что если... с вашего разрешения, конечно, пожертвовать «счастливый билет» молодой матери с ребенком или... больному пенсионеру. Видели, сколько их с печальными лицами? Тем самым вы совершите благородный поступок, подчистите карму, хе-хе. Понимаете меня? — Сальцев чуть наклонился в ожидании.

Возникла пауза. Мужичок глухо откашлялся в воротник, посмотрел сперва на мрачного Гудкова, потом на улыбчивого Сальцева, поскреб желтую прокуренную бородку и затих.

— Ну, хорошо... — не сдавался чиновник. — Вот вы, Лев, чем в жизни занимаетесь, как на хлеб зарабатываете?

— Могильщик я, — ответил вдруг мужичок. — В Нижних Буграх. Покойничков хороню. Ей, — пошевелил он лопатой. — Новую купил. Свежих покойничков буду хоронить. Ценят меня.

— Вот как, — неприятно удивился Сальцев, но не растерялся. — Работа у вас, как я понимаю, тяжелая и... полезная. Все там будем... — чиновник едва не перекрестился, взмахнув левой рукой, но передумал и только поправил галстук. Чтобы замять неловкость, он щелкнул пару раз пальцами и продолжил: — Лев, как я уже сказал, работа у вас тяжелая. И-и... вы наверняка нуждаетесь в инструменте. Допустим, одна лопата сломалась или стащил кто — новую надо, так?

— Это верно. Инструмент дорого-ой, а покойнички глубину любят, — решив, что бить его, скорее всего, не будут, мужичок разговорился. — Давеча бабка Шестухина заказала хоронить и Лизавета с низинки. Уже и магарыч несут. Говорю: куда столько, здоровья не хватит. А они: не брыкайся, говорят, помрем — ты нас помянешь.

— Вот и замечательно, — заулыбался Сальцев, радуясь, что разговор повернул в нужное русло. — Ну а что, если мы с вами заключим, своего рода, дружеский договор? Чтобы все по-честному... так сказать, — он опасливо взглянул на Гудкова.

— Договор? — насторожился мужичок. — Этого не надо. Сын мой, тот еще долбозвон, на свою голову заключил договор, теперь...

— Да нет же, я не о том, — отмахнулся чиновник. — Сколько вам нужно, к примеру, денег, чтобы не мотаться за инструментом в город, скажем, год... или два? Да и здоровье поправить, — он лукаво подмигнул и показал зубы.

— Ну-у, по зиме да по весне инструмент шибко снашивается, — смекнул мужичок, — земля-то противится...

Сальцев достал из пуховика увесистое портмоне, привычно щелкнул большим пальцем застежку и, ухмыляясь, вынул две пятидесятые купюры.

— Хватит? — спросил мужичка.

— Теперь уж точно хватит, — Андрей Петрович треснул кулаком по хлипкому столику.

— Что-о?! — опешил Сальцев и две красненькие бумажки медленно опустились на пол.

Гудков расправил больную спину, поднялся, с прищуром поглядел на трясущегося чиновника и спокойно проговорил:

— Сволочь ты офсетная, вот что! — Он хотел сказать «офисная», ну тут было не до словаря.

Выходя из купе, Андрей Петрович запнулся о лопату, потерявшую устойчивость в руках испуганного мужичка, и та трагически зазвенела. Где-то раздались короткие порывистые гудки...

В голове ошалевшего чиновника обрывками пронеслось: «это вы напрасно», «мне известно ваше шаткое положение», «козел

старый». Но ничего такого он сказать не успел, свирепо взглянул на мужичка и еще раз посигналил перед его носом пухлым бумажником:

— Так возьмете?

— Благодарю, — хитро поморгал Лёва-Упокой, — мне и этой надолго хватит. Хорошая лопата, немецкая.

Внизу что-то заскрипело, заворочалось, дыхнуло паром, бухнула тамбурная дверь... Заиндевелый серый «экран» покачнулся и — пейзаж поплыл.

Сальцев зачем-то подскочил к окну. Увидел прямую удаляющуюся спину Гудкова, худую собаку с сизым хвостом и человека, похожего на собаку, сидящего у вокзального столба; увидел ехидную улыбку журналиста с сигаретой в зубах и неподвижных женщин из комитета, опущенных мелким снежком. Одна из них, кажется, всплакнула, помахав чиновнику букетом вялых гвоздик.

— Слава те господи, поехали... — набожно вздохнула старушка и сосредоточилась на жареной курице с грибами.